

Е.И. Махотина*

E.I. Makhotina*

**Отчет о конференции
«Места заключения как
многофункциональные пространства в
Западной Европе и России в XVI–XIX
веках», 4–5 сентября 2019 года**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-18

Выходные данные для цитирования:

Махотина Е.И. Отчет о конференции «Места заключения как многофункциональные пространства в Западной Европе и России в XVI–XIX веках», 4–5 сентября 2019 года // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 261–264. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-18.pdf>

**Report on the Conference
“Detention Facilities as Multifunctional
Spaces in Western Europe and Russia
in the 16th–19th Centuries”,
4–5 September 2019**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-18

How to cite:

Makhotina E.I. Report on the Conference “Detention Facilities as Multifunctional Spaces in Western Europe and Russia in the 16th–19th Centuries”, 4–5 September 2019 // Historical Courier, 2020, No 1 (9), pp. 261–264. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-18.pdf>

4–5 сентября 2019 г. в Германском Историческом Институте Москвы (ГИИМ) состоялась международная конференция, посвященная местам ссылки, заключения и исправления в России и Европе с Раннего Нового времени до эпохи модерна. Концепт конференции был разработан Екатериной Махотиной (Бонн), Фальком Бретшнейдером (Париж) и Наталией Мучник (Париж). Среди 12 задействованных организаций следует прежде всего выделить главных организаторов и спонсоров конференции – ГИИМ и Центр франко-российских исследований, предоставивших площадку для проведения мероприятия и обеспечивших русско-французский синхронный перевод.

Ведущие специалисты из Франции, России, Германии, Бельгии и Польши в течение двух дней конференции обсуждали различные примеры пенитенциарных институтов, тюремных учреждений, каторжных острогов, монастырских тюрем, богаделен, «долгаузов» и исправительных домов, выявляя неожиданные аналогии между российскими и европейскими кейсами как на дискурсивном, так и на организационном уровне. Конференцию можно по праву считать первым научным мероприятием, объединившим вместе российских, французских, немецких историков в сравнительном исследовании практик и микротехник создания и развития мест изоляции. Конференция ставила себе целью проанализировать, каким образом практики наказания, исправления и контроля вписаны в более широкие социальный и политический контексты. Сравнительный анализ опирался на общий концепт – *практик пространства*, в которых можно было проследить генеалогию между различными, закрытыми от внешнего мира местами изоляции.

Форум начался с обзора западной и российской историографии. Фальк Бретшнейдер и Наталия Мучник (Париж) выделили четыре этапа изучения тюремных институтов в западной историографии: 1) традиционный (1950-е гг.): перспектива историков-правоведов, рассматривающих тюремные учреждения в парадигме истории прогресса (от пыток к более «гуманным» практикам исправления; 2) ревизионистский подход (1970-е гг.): фокус на экономические интересы властных элит в развитии сети работных домов, которые должны были решить проблему устройства нищих и бедняков; 3) интеграционный подход (1990-е гг.), рассматривающий роль различных акторов, их интересов, микротехники наказания и исправления; 4) глобальная история заключения (2000-е гг.): изучение тюремных институтов в транснациональной перспективе и критика евро-центристской перспективы, традиционно рассматривающей тюрьму как изобретение Запада.

* Махотина Екатерина Ильинична, PhD, Университет Бонн, Бонн, Германия, e-mail: emakhotina@uni-bonn.de
Makhotina Ekaterina I., Dr., University Bonn, Bonn, Germany, e-mail: emakhotina@uni-bonn.de

В своем вступительном докладе о российской историографии *Екатерина Махотина* (Бонн) также дала характеристику различным подходам к изучению тюрем: 1) традиционный подход, исходящий из примата власти и определяющий такие темы исследований, как история уголовного права, история политического сыска, история наказаний; 2) исследования наказаний как социально-культурного феномена, где рассматриваются точки соприкосновения между властью и низовыми практиками; 3) изучение практик наказаний исходя из теории социального контроля, когда рассматриваются как религиозные, так и светские практики наказания и исправления; 4) история мест заключения в контексте истории попечительства о бедных в XVIII в.; 5) исследования в свете идей М. Фуко о генеалогии дискурсов и интернализации дисциплинарных техник. Отдельной частью был выделен комплекс вопросов по истории монастырских тюрем, которые в последнее десятилетие стали изучаться как самостоятельное историко-правовое и социально-культурное явление.

Первая секция конференции объединила доклады на тему о многофункциональных пространствах заключения. *Фальк Бретшнейдер* рассмотрел принцип «Общего Дома» в местах заключения и исправления в немецких землях XVIII в. Чем были «исправительные дома» (Zuchthaus) в Раннее Новое время? Это были домашние хозяйства, ориентированные на коллективное обеспечение существования. Они также основывались на ранней современной социальной модели семьи, о чем можно судить, например, по частым именам главы таких учреждений, как Hausvater, т.е. «домашний отец» (а его жена – Hausmutter, «мать-домохозяйка»). Следовательно, акцент делался не на дисциплине в смысле абстрактной адаптации к буржуазным нормам, таким как трудолюбие, пунктуальность и активность, а на интеграции в патерналистскую модель общего существования.

Доклад *Екатерины Махотиной* «Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как «долгаузы» в России XVIII в.» обратил внимание на до сих пор малоизученную роль и функцию монастырей в России – их роль как домов для умалишенных, – «долгаузов». Монастыри и «болезнь меланхолия» находились в непростой взаимосвязи: «меланхолики» становились узниками или «пациентами» монастырей. Е. Махотина выявила типичные случаи использования этого понятия в судебной практике, связь религии с дискурсом о «меланхолии», а также причины тому, что практика заключения, изоляции и «смирения» безумных сменилась практикой «человеколюбивого исправления» при Екатерине Второй.

О Петровском Заводе как о месте ссылки и заключения декабристов в XIX в. рассказала *Екатерина Туманик* (Новосибирск). Исследовательница обратила внимание на характер Петровского Завода как уникального комбинированного учреждения. Так, Петровский Завод начал терять признаки классической тюрьмы почти с первых дней своего существования. Петровский Завод трансформировался в особое учреждение, соединившее в своем устройстве признаки тюрьмы, монастыря, артели офицеров и даже пансионата с достаточно свободным режимом. В тюремную практику были введены и монастырские практики. Особенно интересным аспектом, объединившим доклады *Ф. Бретшнейдера* и *Е. Туманик*, стал вопрос о влиянии архитектурного пространства на логику заключения – как пространство монастыря или дома-пансиона отражается на работе и функциях учреждений «Общего Дома» или Петровского Завода.

Вторая и третья секции были посвящены генеалогии развития тюремных учреждений. О Московской Большой тюрьме в XVII в. рассказал *Александр Воробьев* (Москва). На примере этого необычного учреждения докладчик представил, как государство экспериментировало с техниками наказания и заключения и пыталось внедрить новые для России Раннего Нового времени идеи и практики.

Ксавьер Руссо (Брюссель) продемонстрировал в своем докладе об исправительных домах в габсбургских Нидерландах (Фландрия, Брабант), как дисциплинарные учреждения (Tuchthuis) в XVIII в. стали включаться в городское социальное пространство.

О Калининской комиссии как об уникальном институте социальной реабилитации 1750–1759 гг. рассказала в своем докладе *Ирина Ролдугина* (Оксфорд/Москва). Комиссия была реакцией на новую форму досуга российского высшего общества елизаветинской эпохи –

существованию «дома» «дрезденши» Анны Фелькер в Петербурге. Созданная императрицей комиссия практиковала не традиционные в делах о «непотребствах» практики наказания (труд, ссылка в монастырь), а методы, направленные на исправление и улучшение морали.

Каролин Соппелса (Турс) в докладе «Смешанная программа в эпоху пенитенциарной специализации: тюремное учреждение в Нантерре (1874–1887)» проанализировала архитектурные инновации тюремного здания, служившего местом заключения совершенно различных категорий узников – от нищих до пожизненных преступников. Используя архивы архитектурного конкурса и первых лет существования тюрьмы, К. Соппелса рассмотрела различные предложения архитекторов и окончательный дизайн нового здания в Нантерре. Вопреки классической теории Фуко, новое тюремное учреждение намеренно отказалось от формы паноптикума и лишь отчасти имело камеры.

В докладе *Михаила Погорелова* (Москва) о международных пенитенциарных конгрессах (1872–1910) приведена интересная статистика об активном участии российских ученых в развитии пенитенциарных практик, показано, что Россия была не только «импортером» прогрессивных идей.

Темам бедности, благотворительности и явлению попрошайничества были посвящены доклады четвертой панели *Лоранс Фонтень* (Париж) и *Людмилы Сукиной* (Переславль-Залесский) о связи бедности, труда и заключения. Доклад *Л. Фонтень* «Диспут об институтах заключения: конкурс Академии Шалона 1777 г.» проанализировал дискурс о заключении бедняков в исправительных учреждениях Франции. *Л. Сукина* представила в своем докладе христианскую традицию благотворительности в России, ее практическое применение в городских богадельнях и то, каким образом рационалистический дискурс петровского времени повлиял на изменение менталитета по отношению к нищим – на смену христианской морали, вдохновляющей людей на подачу милостыни, пришло восприятие бедных в категориях работоспособности и неработоспособности и криминализация нищих попрошаек.

О трудовой деятельности в тюрьмах Парижа во второй половине XVIII в. рассказал *Симон Кастане* (Париж). Он показал, насколько противоречивы были внутренние логики тюрьмы и трудовой деятельности для тех, кто должен был отработать свой денежный долг. Чем дольше был срок заключения, тем меньше интегрированы были узники как в экономическом, так и в социальном плане.

Отдельная пятая панель была посвящена монастырским тюрьмам в России. *Лена Марасинова* (Москва) показала в своем докладе «Покаяние как пространство исправления в конце XVIII в.: от Кремля до Соловков. Случай Жуковых» возможную интерпретацию наказания преступной пары Жуковых ссылкой на покаяние в монастыри как использование церковных практик покаяния светским государством. *Сергей Шаляпин* (Архангельск) в докладе «Монастырь как пространство инквизиции: новокрещены и староверы в монастырской ссылке XVII – начала XVIII в.» рассмотрел, как первоначальный смысл христианской практики «подначальства», распространенной в русских монастырях, уступил место новому карательному смыслу, целью которого было смирение подначального узника.

В фокусе докладов последней секции была внутренняя жизнь в пространствах заключения, а также общества узников и охранников. *Наталья Мучник* (Париж) показала роль неформального общения внутри тюрьмы, существовавшего в определенных ареалах. Тюремное общество действовало по своей логике. Степень свободы зависела от множества факторов: от расположения и формы тюремных зданий и возможности наблюдения, от личности заключенных и их социального профиля (пол, возраст и т.д.), а также от их финансовых ресурсов и связей.

Елена Бородина (Екатеринбург) представила различные тюремные учреждения в Екатеринбурге в середине XVIII в., показав, что в фабричном городе существовали различные тюрьмы, которые отличались своими своеобразными функциями, категориями заключенных и степенью тяжести содержания.

Доклад Феликса Акерманна (Варшава) представил католический орден Сестер милосердия как охранный персонал в женской тюрьме Лемберга в начале XX в. Здесь, в здании бывшего монастыря Св. Магдалены находилась женская тюрьма, где на 300–400 узниц приходилось около 25 сестер католического Ордена Barmherzige Schwester. В их функции входили охрана, вынесение решения о наказании, предотвращение конфликтов на религиозной почве (в тюрьме находились не только римо-католики, но и греко-католики, и православные).

Общая дискуссия определила точки соприкосновения истории заточения в России и истории заточения в Западной Европе, требующие дальнейшего сравнительного исследования:

– в переходное время от Средневековья к Модерну на Западе и в России сосуществовали различные формы наказания (телесные наказания, казнь, ссылка, штрафы) и разнообразные формы заточения (церковные, светские, превентивные, пенитенциарные, дисциплинарные, в целях благотворительности), а заточение было в совершенно разных пространствах (монастыри, крепости, остроги/каторжные казармы, административные учреждения, частные дома). Как на Западе, так и в России мы имеем дело с комбинированными институциями;

– истоки заточения. Как в Европе, так и в России история заключения начинается с монастырской культуры, где с раннего христианского времени, практики *carcer* (подначальства) сосуществовали с практиками *claustrum* монастырского уединения, келейного правила;

– как в России, так и в Европе труд служил исправлению преступников и был необходимым элементом совершенствования совести. Если работные дома Европы возникли уже в XVI в. (протестантизм – «отец» первых работных домов), то в России исправительный работный дом – явление позднего XVIII в. В это же время в России схожие функции имел институт каторги, который, как и в Европе, служил колонизации имперского пространства;

– социальные, каритативные учреждения и политика “*gute policey*”. Бедность перестала пониматься как близость к Христу и стала моральным дефицитом. В России XVIII в. проводится типичная для Западе политика по устранению нищих и бродяг из городов и определение их в богадельни (часто предусматривалось создание их в бывших монастырях);

– религиозный и культурный контекст. В Европе Раннего Нового времени мы едва ли видим дискурсивные различия между грехом и преступлением, между аморальным поведением и нарушением «божественного» закона. Система учреждений комбинированных институтов должна была служить исправлению неприемлемых социальных членов. В России влияние протестантизма не столь явно как на Западе, но в XVIII в. важные церковные иерархи многое черпали из протестантизма для проповеднической деятельности, особенно того, что касается исправления личности;

– заключение и общество: решение личных проблем, используя практики власти. Пересечение семейной дисциплины и желания порядка со стороны властей;

– заключение и лечение: проблема обращения с безумными. Соседство старых и новых практик по обращению с душевнобольными;

– внутренняя жизнь и «своеволие» (*Eigensinn*) заключения. Как и в Европе, слабым местом организации пространств заключения в России был охранный персонал (отставной персонал армии, практиковавший с заключенными игры и пьянство).

Статья поступила в редакцию 20.01.2020 г.